

О культуре Александра Керенского и историографической традиции

С. М. Ляндрес, А. Б. Николаев

Для цитирования: Ляндрес С. М., Николаев А. Б. О культуре Александра Керенского и историографической традиции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 668–678. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.220>

Предлагаемая вниманию читателей рецензия посвящена новой монографии известного петербургского историка Б. И. Колоницкого «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года)» (М., 2017). Как и в предшествующих работах, в центре внимания автора — политическая культура революции, которую в данном случае он исследует на примере процесса формирования культа А. Ф. Керенского, его образа народного трибуна, вождя революции и революционной армии. Исследование содержит важные наблюдения и выводы о становлении культа, которому способствовали и сам «революционный министр», и его многочисленные почитатели среди политических и общественных деятелей, творческой интеллигенции. Особое внимание уделено прессе, с которой Керенский намеренно культивировал особые, доверительные отношения и любимцем которой, по мнению автора, он являлся. Б. И. Колоницкий убедительно показывает, что А. Ф. Керенский уделял большое внимание подготовке собственных публичных выступлений, планомерно разрабатывая свой общественно-политический образ. По сути говоря, Керенский и был главным и самым эффективным создателем собственного образа. Формирование культа личности А. Ф. Керенского — первого, по мнению автора, культового вождя русской революции — рассматривается в монографии в сравнении «с репрезентациями других вождей той поры». К числу недостатков монографии следует прежде всего отнести определенное несоответствие между выделенной в заголовке темой антимонархической революции и содержанием исследования. Подробно и во многом убедительно разработав процесс становления культа А. Ф. Керенского, автор не уделил должного внимания вопросу о том, в чем, собственно, заключалась «антимонархическая революция» Керенского и как она сочеталась с формированием культа «вождя народа». Рецензия содержит ряд дополнительных замечаний касающихся, например, приписываемых А. Ф. Керенскому революционных подвигов в первый день Февральской революции, времени (датировки) и путей формирования мифологии об А. Ф. Керенском как о главном герое Февральской революции и «вожде народа».

Ключевые слова: А. Ф. Керенский, вождь революции, культ вождя народа, политическая культура, Февральская революция, М. В. Родзянко, Б. И. Колоницкий.

Семен Михайлович Ляндрес — PhD, проф., Университет Нотр-Дам, 434 Диско холл, Нотр-Дам, Индиана, 46556-5602, США; slyandre@nd.edu

Semion M. Lyandres — PhD, Professor, University of Notre Dame, Decio Hall 434, Notre Dame, Indiana, 46556-5602, USA; slyandre@nd.edu

Андрей Борисович Николаев — д-р ист. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; abnikolaev@herzen.spb.ru

Andrei B. Nikolaev — Doctor in History, Professor, Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, 48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; abnikolaev@herzen.spb.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

On the Cult of Alexander Kerenskii and Historiographical Tradition

S. M. Lyandres, A. B. Nikolaev

For citation: Lyandres S. M., Nikolaev A. B. On the Cult of Alexander Kerenskii and Historiographical Tradition. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 2, pp. 668–678. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.220> (In Russian)

This essay discusses the recent monograph by the St. Petersburg historian B. I. Kolonitskii. Best known for his pioneering works on the revolutionary political culture, in this new book the distinguished historian focuses on the process by which a political cult was constructed around the figure of A. F. Kerenskii and on the development of the image and credentials through which Kerenskii represented himself (and was represented by his admirers) during the first months following the overthrow of the old regime. His pre-revolutionary image as a people's tribune was supplanted by that of a revolutionary minister and later by the leader of the revolutionary army and savior of the Russian Revolution. The author pays special attention to Kerenskii's deliberate efforts to cultivate the press and to bolster his revolutionary image through carefully crafted speeches and public appearances. According to the author, Kerenskii was his own most prolific and effective image-maker. Kolonitskii concludes the book by bringing up instructive comparisons with the later cults of Bolshevik leaders, though he sensibly avoids direct parallels or equations. However, the monograph is not free from omissions and contradictions. There is a glaring inconsistency between the part of the title referring to Kerenskii's "antimonarchical revolution" and the absence of any substantive discussion of the ways in which this enormously important yet little studied question influenced the construction of his cult of the national leader. Kerenskii's leadership during the first days of the February Revolution is overstated, while the timing of aspects of his cult creation by sympathetic writers during March-June should be attributed to subsequent weeks or months.

Keywords: A. F. Kerenskii, leader of the revolution, cult of the leader, political culture, February Revolution, M. V. Rodzianko, B. I. Kolonitskii.

Важным событием юбилейного года Великой российской революции стал выход монографии известного петербургского историка Бориса Ивановича Колоницкого «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года)¹. Специалисты с энтузиазмом встретили новую книгу маститого ученого², а в 2019 г. она была отмечена Макарьев-

¹ Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М., 2017.

² См. например: Савино Дж. Б. И. Колоницкий, «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). Новое литературное обозрение, М., 2017, 530 с. // *Avtobiografija. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2017. No. 6. P. 295–299; Smith S. A. «Tovarishch Kerenskii»: Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta «vozhdia naroda», mart — iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii // *Slavic Review*. Spring 2018. Vol. 77, no. 1. P. 205–207; Аксенов В. Б. Рец. на: Б. И. Колоницкий. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917). М., 2017. 520 с. ил. // *Российская история*. 2018. № 1. С. 195–202; Меньковский В. И. Символ революции: «образ Керенского» в исследованиях Б. И. Колоницкого // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018. № 3. С. 102–109; Hosking G. «Tovarishch Kerenskii»: Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta «vozhdia naroda» mart — iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii. *Historia Rossica*. Moscow, 2017. 511 pp. Illustrations. Notes. Index. // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 96, no. 4 (October 2018). P. 788–789.

ского премией (Третья премия в номинации «История России»)³. Автор неоднократно подчеркивает, что он — не биограф Керенского: «...я никогда и не хотел изучать жизнь Керенского, никогда не видел себя чьим-то биографом» (с. 5) — и, что особенно важно, его «книга — не о политическом лидере» (с. 15). Действительно, Б. И. Колоницкий пишет не столько о Керенском, сколько о том, как формировался его культ. В достижение поставленной цели автор опирается не только «на подходы, опробованные историками общественного сознания», среди которых особое место занимает ставший с недавних пор культовым Ричард Уортман (с. 19–20), но и сравнивает формирование культа Керенского «с репрезентациями других вождей той поры» (с. 20).

Монография состоит из предисловия («От автора») (с. 5–8), введения (с. 9–27), четырех глав («Революционная биография и политический авторитет» (с. 28–121), «Революционный министр» (с. 122–21), «Вождь революционной армии» (с. 252–385), «Наступление Керенского» (с. 386–482)), заключения (с. 483–502), списка сокращений (с. 503), именного указателя (с. 504–511) и оглавления (с. 512). Каждая глава посвящена изучению отдельного образа А. Ф. Керенского. Здесь нет смысла повторять краткое содержание монографии, неоднократно уже изложенное в многочисленных хвалебных рецензиях. Но, пожалуй, не лишним будет повторить, что исследование Б. И. Колоницкого изобилует интересными наблюдениями и не менее ценными выводами — в частности, о том, что министр юстиции Керенский сам определял себя как «заложника демократии» и делал это «для обеспечения единства “народа” и правительства». По мнению автора монографии, «такое определение указывало на уникальный, по сути, привилегированный статус во власти <...> подчеркивало особую роль Керенского по сравнению с другими министрами» (с. 129). Представляется важным и наблюдение Б. И. Колоницкого о том, что Керенский «гораздо лучше, чем какой-либо другой министр, работал с представителями прессы, много внимания уделял своим публичным выступлениям», «разрабатывал собственный образ» (с. 131, 163–164)⁴. Историк плодотворно, хотя и с присутствующим ему критическим взглядом, использует мемуары современников, когда пишет о влиянии речей Керенского на слушателей. По мнению Колоницкого, «к ретроспективным оценкам современников следует относиться осторожно, но публичные выступления министра юстиции действительно привлекали огромное внимание, и он был настоящим любимцем прессы» (с. 138). Уже начиная с мая, как справедли-

³ Лауреаты премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария по гуманитарным наукам 2018–2019 гг. // Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). URL: <http://www.m-fond.ru/news> (дата обращения: 22.01.2020).

⁴ В связи с этим очень важно собственное подробное свидетельство Керенского от 31 мая 1917 г., автору монографии известное (с. 18), но почему-то в полной мере им не использованное (см.: *Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution.* Oxford, 2013. P. 218–244; *Николаев А. Б. А. Ф. Керенский о Февральской революции* // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 3 (26). С. 108–116). Особого внимания заслуживает то, как «министр революционной театральности» пытался произвести впечатление на записывавших за ним молодых членов Комиссии опросов Таврического дворца (прежде всего сестер Т. и Р. Николадзе) под руководством историка М. А. Полиевктова. «Революционный министр» не только пригласил очарованных им девушек покататься на министерском автомобиле до того как они стали записывать его показания «для истории», но и свел членов Комиссии с другими своими тогдашними почитателями из числа молодых полковников Генштаба (см.: *Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution.* P. 41–43, 114, 133, 240).

во отмечает историк, «тема “актерства”» Керенского «присутствует на страницах некоторых газет» (с. 173). Любопытны и наблюдения Б.И. Колоницкого о «болезненности» Керенского, которая, как он пишет, «была очень важной частью» его «позитивной репрезентации». Не касаясь здесь вопроса об уместности используемого автором переводного (главным образом с английского языка) понятийного аппарата, отметим его важный вывод о том, что формирование образа революционера, творящего «подвиг мученичества во имя народа», несомненно выделяло Керенского «среди иных лидеров» (с. 208–209). Вполне обоснованным представляется и утверждение автора, что большевики развернули первую массивную пропагандистскую кампанию против Керенского только после того, как он в мае 1917 г. занял пост военного и морского министра и подписал 11 мая приказ «О правах военнослужащих» (с. 219). Именно «после назначения Керенского на пост военного министра обращение “вождь” стало <...> применяться по отношению к этому политику значительно чаще, чем в марте и апреле» (с. 272). Прав исследователь и в том, что «поездки Керенского на фронт играли большую роль в подготовке наступления, а также существенно влияли на формирование образа вождя революционной армии» (с. 307). В связи с этим представляет интерес описание изменения внешнего облика Керенского, сменившего свою темную тужурку сперва на форму защитного цвета, а «позднее [он] облачился во френч, кепи, бриджи и краги». По словам историка, «образ демократического министра, возглавившего военное ведомство, милитаризировался и вестернизировался» (с. 309); а уже во второй половине мая 1917 г. Керенский провозглашается «героем армии», примером «для будущих офицеров российской армии» (с. 318) и «народным вождем» (с. 319). Согласно справедливому замечанию Б.И. Колоницкого, «во второй половине июня 1917 года популярность Керенского, вдохновителя и участника наступления, достигла своего пика» (с. 462).

Выводы автора рецензируемого исследования заставляют задуматься и о взаимоотношениях так называемых репрезентаций лидеров революции. Так, 7-й параграф второй главы посвящен речи А.Ф. Керенского 29 апреля 1917 г. на совещании делегатов фронта. Б.И. Колоницкий отмечает, что политик «обогастил свою репрезентацию “вождя революции”»: опираясь на репутацию “первого гражданина”, способствовал формированию образа “великого гражданина”, противостоящего и “старому режиму”, и “взбунтовавшимся рабам”» (с. 250). Говоря о том, что «вождей Февраля, прежде всего М.В. Родзянко, именовали “вождями свободы” и что в ходу было обращение “первый гражданин”» (с. 248), Б.И. Колоницкий упоминает в их числе председателя последней Думы, который раньше других именовался «первым гражданином Свободной России»⁵.

Но тогда возникает вопрос: имело ли место присвоение Керенским чужих «образов» и «репутаций»? И если это так, то нарушало ли подобное присвоение устоявшиеся представления об образе Керенского как о «вожде революции»? Приведем

⁵ Гавроева Е. С. Письма во власть: солдаты и М.В. Родзянко (март 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская научная конференция с международным участием, С.-Петербург, 21 марта 2014 г.: сб. науч. ст. СПб., 2015. С. 114. — См. также рисунок В.Д. Семенов-Тянь-Шанской «Михаил Владимирович Родзянко. Первый гражданин Свободной России» (Лукоморье. Еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал. Ред.-изд. М. А. Суворин. Пг., 1917. № 15. С. 10).

один пример. В апреле — мае 1917 г. между А. Ф. Керенским и М. В. Родзянко наметился, хотя и опосредованно, своего рода спор о праве называться «героем революции». В начале апреля сотрудник Министерства труда Г. М. Зильбург, объезжая Юго-Запад России и Кавказ по поручению Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и ЦК трудовой группы, во время своего выступления в Киевском Купеческом собрании назвал А. Ф. Керенского «единственным претендентом на звание героя русской революции»⁶. А в конце мая другой, не менее видный социалист (анархо-синдикалист) Ю. Волин (В. М. Эйхенбаум) опубликовал на страницах сызранского советского печатного органа статью, в которой не только заявил, что главным героем революции был не Керенский, а унтер-офицер Т. И. Кирпичников, поднявший Волынский полк на восстание, но и что М. В. Родзянко «в одинаковой, если не в большей степени» герой революции. Керенского же автор статьи предложил величать «сыном революции»⁷.

Значительный интерес для историков представляет и вопрос о творцах культа Керенского. По мнению Б. И. Колоницкого, «культ Керенского прежде всего был следствием политических конфликтов разного уровня и разного характера». В данном случае, как справедливо отмечает историк, стороны-участники главным образом «стремились укрепить свой собственный авторитет, для чего и участвовали в акциях, направленных на легитимацию и делегитимацию вождя революции, принимая и отвергая, тиражируя, развивая и изобретая его различные образы». Тем не менее, настаивает автор, главным творцом культа личности Керенского являлся сам «народный трибун» и «заложник демократии». Правда, в этом он был не одинок. На протяжении достаточно длительного, во всяком случае по революционным меркам, времени постоянную и безоговорочную поддержку «революционному министру» оказывали небольшие по численности, но весьма влиятельные политические группировки умеренных социалистов и демократов, а вместе с ними и целый ряд известных писателей, режиссеров, музыкантов, ученых и художников, например: Ф. Д. Батюшков, В. Г. Богораз-Тан, А. С. Бухов, С. А. Венгеров, З. Н. Гиппиус, Марк Криницкий (М. В. Самыгин), А. И. Куприн, С. А. Кусевицкий, Лидия Лесная (Л. О. Шперлинг), Д. С. Мережковский, Вас. И. Немирович-Данченко, Вл. И. Немирович-Данченко, П. А. Оленин-Волгарь, А. С. Рославлев, М. В. Рундальцов, Б. В. Савинков, К. С. Станиславский, Н. С. Тихонов, Д. Ф. Философов и М. И. Цветаева (с. 496–498). «Немалый вклад» в становление культа Керенского внесли и члены войсковых комитетов (с. 500).

Этот список можно было бы пополнить и ближайшими сотрудниками (так называемыми адъютантами) Керенского в Февральские дни, позже последовавшими за ним в Военное министерство. Судя по сохранившимся свидетельствам, самым известным (хотя не обязательно самым действенным) из «адъютантов» Керенского был полковник Генштаба Л. С. Туган-Барановский. Его подробные показания были скрупулезно записаны сотрудниками Комиссии опросов Таврического дворца еще 17 и 20 мая 1917 г. В них тогдашний отчаянный почитатель и соратник «революционного министра» чуть ли не впервые излагает подоплеку назначения Керенского в Военное министерство и связанные с этим интриги и мифы о вожде и единствен-

⁶ А. Л. Доклад Г. М. Зильбурга // Последние новости. 1917. 6 апреля (веч. вып.). (Киев).

⁷ Волин Ю. Сын революции / Петроградские письма // Солдат и рабочий. Орган Совета солдатских и рабочих депутатов города Сызрани. 1917. 28 мая.

но возможном спасителе русской революции⁸. По каким причинам автор рецензируемой монографии, хорошо знакомый с майским опросом Туган-Барановского, обошел это важнейшее свидетельство молчанием, остается только догадываться.

В целом же мастерски справляясь с поставленной задачей воссоздания основных вех и механизмов становления культа Керенского, автор монографии, похоже, метит «дальше и глубже», стремясь доказать, что культ вождя народов, хорошо впоследствии известный по фигурам Ленина, Троцкого и Сталина, зародился еще весной 1917 г. и первым его носителем стал А. Ф. Керенский. Особенно важно то, что «сам принцип вождизма под вопрос не ставился, политический выбор страны мыслился как выбор истинного вождя народа» (с. 502). Убедительно. Но еще во введении автор дает понять, что предшественников в изучении этой важной темы у него не было. А как же В. И. Старцев, работы которого Б. И. Колоницкому давно и хорошо известны?⁹

Как раз в статье «Керенский: Шарж и личность» В. И. Старцев специально останавливается на культе личности Керенского и, в частности, в параграфе «Культе “Спасителя Отечества”» пишет следующее: «Именно в случае с А. Ф. Керенским можно говорить о возникшем в нашей стране впервые феномене культа личности политического деятеля». По мнению Старцева, «он (культ Керенского. — С. Л., А. Н.) как бы заместил в глазах широких народных масс образ отрекшегося императора». Получается, что истоки формирования культа личности Керенского, вероятнее всего, следует искать в настроении масс. Но В. И. Старцев пишет не только об истоках, но и о творцах культа личности Керенского: «Уловив настрой низов, либеральная и “социалистическая” пресса (кроме, конечно, большевистской, имевшей своих героев), стала помогать этому процессу, уже сознательно формируя культ провиденциальной личности, “революционного вождя”, призванного спасти Отечество в час трудных испытаний». По оценке В. И. Старцева, замещение образа императора культом Керенского произошло как раз в марте — июне 1917 г.¹⁰, что полностью совпадает с хронологическими рамками монографии Б. И. Колоницкого и, надо полагать, находит прямое отражение в подзаголовке рецензируемого исследования — «...антимонархическая революция и формирование культа “вождя народа” (март — июнь 1917 года)». К сожалению, тема антимонархической революции, несмотря на исключительный интерес (и поразительную при этом неизученность), не получила должного освещения в рецензируемой монографии. Можно ли считать А. Ф. Керенского воплощением той самой антимонархической революции, о которой пишет Б. И. Колоницкий, и в чем, собственно, она проявилась? Неужели только в республиканских взглядах и демократическом стиле поведения «народного трибуна»? Казалось бы, своим исследованием автор дает понять: несмотря на то что монархия в марте 1917 г. пала, монархическое сознание и замашки никуда не исчезли, а только видоизменились. Но тогда к чему сводится антимонархическая революция Керенского и как она сочетается с формированием культа «вождя народа»?

⁸ Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution. P. 116–141.

⁹ Старцев В. И. Керенский: Шарж и личность // Диалог. 1990. № 16. С. 76–86; Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). С. 17.

¹⁰ Старцев В. И. Керенский: Шарж и личность. С. 81.

Любое исследование, особенно такое новаторское и объемное, несвободно от недостатков. Обратим внимание лишь на некоторые из них. В 4-м параграфе («Герой революции») первой главы автор пишет, что когда к Таврическому дворцу подошел крупный отряд восставших войск, «Керенский устремился на улицу и обратился к восставшим с приветственной речью; тем самым устанавливался прецедент — речи думцев перед приходящими солдатами стали затем своеобразным ритуалом» (с. 92). Но в данном случае речь идет о *второй* волне восставших, появившейся у Таврического дворца в 2 часа дня. А ведь была еще и *первая* волна, о которой автор тоже пишет: «К часу дня к Таврическому дворцу начали, наконец, подходить группы возбужденных солдат. Одна из них представилась как делегация повстанцев, желавших узнать о позиции Думы. Появление мятежников у дворца влияло на колеблющихся депутатов и укрепляло авторитет Керенского, который требовал решительных действий от думцев» (с. 91). Вполне возможно, что авторитет Керенского и усилился в связи с появлением у Думы восставших, но тем не менее *первым* вышел к ним не будущий «заложник демократии», а консервативный и «нерешительный» председатель Государственной думы М. В. Родзянко. По свидетельству Э. К. Пименовой, он сообщил делегатам восставших войск, что «Дума не подчинилась указу о роспуске, в противоположность Государственному совету, который подчинился ему» и что «депутаты Думы остаются на своих местах». Когда делегаты спросили: «Но что же она (Государственная дума. — С. Л., А. Н.) намеревается делать дальше?»¹¹ — Родзянко передал им постановление Совета старейшин, в котором указывалось, что «основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой» и что в осуществлении этого Дума «примет живейшее участие, но для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие»¹². Далее председатель Думы сообщил, что «вопрос о личных кандидатурах пока еще не поставлен. Об этом говорить преждевременно»¹³. А. С. Изгоев справедливо заметил, что «первым лицом, принявшим делегацию войск, был председатель Государственной думы»¹⁴. Присутствовавший при этом А. Ф. Керенский¹⁵, играл вспомогательную роль. Не он, а как раз Родзянко заложил основы ритуала встречи восставших солдат, приходивших в Государственную думу. Принимая делегацию от восставших войск, председатель Думы показывал другим депутатам, как действовать дальше. Примером Родзянки незамедлительно воспользовались левые депутаты, в том числе и Керенский, во время появления у Таврического дворца *второй* волны восставших. Речь Керенского перед *второй* волной мятежников Б. И. Колоницкий называет центральным эпизодом «для становления его репутации как вождя революции» (с. 93), но в подкрепление своего вывода ссылается всего лишь на одну статью Ал. Ксюнина, опубликованную 5 марта 1917 г. в «Новом времени». Но

¹¹ Пименова Э. К. Дни великого переворота в России. Очерки великой русской революции с иллюстрациями. Пг., 1917. С. 24.

¹² Делегация революционных войск в Г[осударственной] думе // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 27 февр.

¹³ Сведения о положении в Петрограде в связи со свержением самодержавия. 1917 г. // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1278. Оп. 10. Д. 66. Л. 1.

¹⁴ Изгоев А. С. Социалисты во Второй русской революции. Пг., 1917. С. 5.

¹⁵ Чарнолуцкий В. Десять лет назад. Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.

одной статьи, пусть и в большой газете, маловато для убедительности предлагаемой читателю интерпретации.

По этой или по какой-либо другой причине историк считает необходимым расширить приводимую им источниковую базу и пишет, что «о речи депутата, обращенной к восставшим солдатам, писали в 1917 году чуть ли не все биографы Керенского» (с. 93). Так ли это было на самом деле, из монографии вовсе не следует, поскольку ее автор ограничивается ссылкой на брошюру «Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский. Его жизнь, политическая деятельность и речи» (Пг., 1917) (с. 93, примеч. 191). Но вот незадача — подготовка текста этой брошюры к печати «была закончена в середине мая» (с. 33, примеч. 10), то есть через два с лишним месяца после описываемого события. Получается, что легенда о том, каким образом речь Керенского перед восставшими солдатами 27 февраля способствовала формированию его репутации как «вождя революции» была в полном объеме пущена в ход только в мае 1917 г, в бытность его уже военным министром.

Второй пример касается эпизода с вводом Керенским восставших солдат в Таврический дворец 27 февраля. Источниками здесь служат краткий рассказ Керенского в его выступлении на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 26 марта 1917 г. (с. 93–94), а также упоминания об этом эпизоде в трех статьях, которые были опубликованы 29 апреля, 4 и 11 мая 1917 г., и в брошюре «А. Ф. Керенский народный министр» за подписью «Е. В-ч» (с. 95). Свой выбор источников историк объясняет следующим образом: «Эпизод с введением восставших солдат в Думу использовался сторонниками Керенского <...> для обоснования его права занять пост военного министра в мае 1917 года» (с. 95). И не только! Б. И. Колоницкий пишет, что «этот поступок придавал Керенскому особый статус вождя народа» (с. 95). Получается, что и этот эпизод мог полноценно использоваться для формирования образа вождя не в марте, а значительно позже — в конце апреля и в мае. Более того, брошюра «А. Ф. Керенский народный министр» никак не могла повлиять на формирование образа вождя революции ни в марте, ни даже в июне, поскольку работа над ее текстом «была завершена во второй половине июля» (с. 39). Да и пресловутый ввод Керенским восставших в Таврический дворец был на самом деле подготовлен М. В. Родзянко, который не только приказал открыть ворота¹⁶, но и запретил охране дворца оказывать вооруженное сопротивление восставшим¹⁷.

Третий пример касается эпизода с задержанием председателя Государственного совета И. Г. Щегловитова. Вот, как описывает его Б. И. Колоницкий: «Когда студенты с саблями наголо доставили Щегловитова в Думу, Керенский “именем народа” произвел его арест, отвергнув попытку Родзянко предоставить председателю верхней палаты статус “гостя”». Отсюда следует вывод автора о том, что «такой исход конфликта между Керенским и Родзянко отражал изменение соотношения сил, расположившихся в стенах Таврического дворца: авторитет лидера трудовиков воз-

¹⁶ Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution. P. 175.

¹⁷ Дело о выдаче пособий лицам, пострадавшим в связи с революционным движением. Ч. 1 // РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 315. — Д. О. Заславский утверждал, что «Родзянко предложил во избежание кровопролития снять дворцовый караул» (Заславский Д. Как это было // Киевская мысль. 1917. 15 марта).

растал, и председатель Государственной думы должен был это учитывать» (с. 97). Вроде бы все логично. Однако эпизод с Щегловитовым изложен Б. И. Колоницким не полностью. П. Н. Милюков вспоминал, что Керенский велел отвести Щегловитова «на ночлег в министерский павильон Думы»¹⁸. Но имеются не менее надежные свидетельства в пользу того, что решение поместить Щегловитова в министерский павильон было принято не Керенским, а думским Комитетом: «...после краткого совещания — по распоряжению членов Временного комитета — Щегловитов помещается под усиленной охраной в министерском павильоне Таврического дворца»¹⁹. Не исключено, что это решение принимали члены Совета старейшин уже после создания Временного комитета, но еще до его утверждения частным совещанием. Здесь важно и другое, а именно то, что думские лидеры (члены Совета старейшин, или Временного комитета Государственной думы), отказались согласовать вопрос об аресте председателя Государственного совета И. Г. Щегловитова, хотя и дали санкцию на содержание его в министерском павильоне, который тем самым приобрел характер арестного помещения. После этого А. Ф. Керенский, опираясь на решение Совета старейшин или даже думского Комитета, взял министерский павильон в свое распоряжение и 28 февраля на бланке председателя Государственной думы²⁰ сам выписал себе удостоверение следующего содержания: «Временный комитет поручает члену Государственной думы Керенскому заведование павильоном министров, где находятся особо важные арестованные лица». Удостоверение подписал М. В. Родзянко²¹. Получается, что выход из сложной ситуации был найден совместными усилиями, а противостояние Керенского и Родзянко в вопросе о содержании Щегловитова было не столь острым, каким рисует его автор монографии. Вот что он пишет о значении этого инцидента: «Арест Щегловитова, ставший важным элементом мифа революции, влиял на формирование образа Керенского, подтверждая его репутацию как вождя переворота» (с. 97). Источниками данного утверждения служат цитаты из статей, опубликованных 5 марта 1917 г. в «Петроградской газете» и 1 июня в «Нижегородском листке» (с. 98), а также из брошюры «Сын Великой Русской Революции Александр Федорович Керенский» (с. 99). Но, как и в случае с выступлением Керенского перед восставшими 27 февраля, одной статьи, даже если эта статья была опубликована 5 марта, явно недостаточно, чтобы использовать «щегловитовский эпизод» в качестве примера формирования образа Керенского как «вождя революции» в марте — апреле. Здесь снова создается впечатление, что образ этот формировался позже — в мае и июне 1917 г.

В некоторых случаях историк выходит за хронологические рамки своего исследования еще дальше. В монографии встречаются ссылки на газетные публикации, датированные июлем — сентябрем 1917 г., которые, разумеется, никак не могли

¹⁸ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. / сост. и авт. вступ. ст. М. Г. Вандалковская; коммент. и указ. А. Н. Шаханова. Т. 2. М., 1990. С. 254.

¹⁹ Арест председателя Г[осударственного] совета // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 27 февр.; Как русский народ завоевал свободу. Обзор революционных событий. Пг., 1917. С. 17; Как совершилась Вторая русская революция: Подробное описание исторических событий за период времени с 23 февраля по 4 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 10.

²⁰ Приказание (копии) Военной комиссии Временного комитета Государственной думы и копии донесений о событиях 28 февраля 1917 г. в Петрограде // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3348. Оп. 1. Д. 129. Л. 15.

²¹ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 264.

оказать влияние на формирование культа личности Керенского в марте — июне 1917 г. (с. 203, примеч. 189; с. 463, примеч. 220 и 221; с. 464, примеч. 222–224; с. 472, примеч. 240 и 241). Автор не делится своими соображениями с читателем, но можно предположить, что подобный прием применяется им для доказательства прочности сложившихся образов.

К недостаткам книги необходимо также отнести отсутствие списка источников и литературы, а также существенные пробелы в именном указателе. Например, в нем отсутствуют фамилии авторов брошюр и статей о Керенском, упоминающиеся в монографии: П. Ф. Арзубьев (П. К. Губер) (с. 170, 184, 198, 327), Л. В. Ассиар (с. 248), А. Борисов (с. 150, 193, 201, 205), Иванчиков (с. 94, 104, 170, 203), М. Мерзон (с. 87, 98, 102, 198) и др. Все это создает дополнительные трудности при использовании объемной, хотя и легко читаемой монографии Б. И. Колоницкого. Вместе с тем рецензируемая работа представляет несомненный интерес для специалистов, изучающих историю Великой российской революции, ее вождей и формирование их культа. Будем надеяться, что Борис Иванович Колоницкий продолжит начатое исследование и в недалеком будущем порадует научную общественность новой монографией о культе личности А. Ф. Керенского в июле — октябре 1917 года. Тем более что, как было отмечено выше, в его распоряжении уже имеется немало источников, относящихся как раз к этому периоду.

References

- Aksenov V. B. Rew. on: B. I. Kolonitskii, 'Comrade Kerenskii.' Antimonarchical Revolution and the Creation of the Cult of a 'National Leader' (March — June 1917). *Historia Rossica* (Moscow: NLO, 2017) 520 p. il. *Rossiiskaia istoriia*, 2018, no. 1, pp. 195–202. (In Russian)
- Burdzhalov E. N. *Russia's Second Revolution: The February 1917 Uprising in Petrograd*. Moscow, Nauka Publ., 1967, 407 p. (In Russian)
- Gavroeva E. S. Letters to the Authorities: Soldiers and M. V. Rodzinako (March 1917). *Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniia*. Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia s mezhdunarodnym uchastiem, S.-Peterburg, 21 marta 2014 g. Sb. nauch. st. Ed. by A. B. Nikolaev. St. Petersburg, ElekSis Print., 2015, pp. 112–117. (In Russian)
- Hosking G. "Tovarishch Kerenskii": Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta "vozhdia naroda" mart — iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii. *Historia Rossica*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 511 pp. Illustrations. Notes. Index. *The Slavonic and East European Review*, vol. 96, no. 4 (October 2018), pp. 788–789.
- Izgoev A. S. *The Socialists During Russia's Second Revolution*. Petrograd, Svoboda Print., 1917, 82 p. (In Russian)
- Kolonitskii B. I. "Comrade Kerenskii": Antimonarchical Revolution and the Creation of the Cult of a 'National Leader' (March — June 1917). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 520 p. (In Russian)
- Lyandres S. *The Fall of Tsarism. Untold stories of the February 1917 revolution*. Oxford: Oxford University Press, 2013, 322 p.
- Men'kovskii V. I. Symbol of the Revolution: 'Image of Kerenskii' in the Works of B. I. Kolonitskii. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2018, no. 3, pp. 102–109. (In Russian)
- Nikolaev A. B. A. F. Kerenskii on the February Revolution. *Klio*, 2004, no. 3 (26), pp. 108–116. (In Russian)
- Pimenova E. K. *The Days of Russia's Great Coup. Essays on the Great Russian Revolution, with illustrations*. Petrograd, Blago Publ., 1917, 47 p. (In Russian)
- Savino Dzh. B. I. Kolonitskii, "Comrade Kerenskii": Antimonarchical Revolution and the Creation of the Cult of a 'National Leader' (March — June 1917). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 530 p. *Avtobiografija. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, 2017, no. 6, pp. 205–207. (In Russian)

Smith S. A. "Tovarishch Kerenskii": Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovaniie kul'ta "vozhdia naroda", mart — iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 511 pp. Notes. Index. Plates. Photographs. *Slavic Review*, 2018, vol. 77, no. 1, pp. 205–207.

Startsev V. I. Kerenskii: Caricature and Person. *Dialog*, 1990, no. 16, pp. 76–86. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2020 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2020 г.

Received: February 3, 2020

Accepted: March 12, 2020